

Две девицы за столом

Как сорвалось, так и брякнулось

/Народная мудрость/

Как Юльке не хотелось ехать к подруге, но пришлось. Ведь знала, что сейчас услышит, и все равно – собралась и отправилась в гости.

Оказавшись на улице, она забыла обо всем, настолько ее очаровала ласковая осень, радовавшая теплом и ярким солнцем, таким непривычным в хмуром ноябре.

Юлия отсутствовала в родном городе полтора месяца. Месяц посещала курсы повышения квалификации в столице, затем заехала к тетушке в Подольск и осталась на две недели: тетушка занемогла, ей понадобились помощь и участие. Кроме тети Маруси у Юльки никого из родных не было, из второстепенных родных никого. Самым главным человеком в ее жизни был сын Володя, ныне курсант военного училища. Вполне себе самостоятельный человек, взрослый и ответственный. Двадцать один год, это вам не шутка.

Да, жизнь бежит семимильными шагами, - с грустью подумала Юлия Слезкина, вышагивая по тротуару. – Вроде бы чувствую себя молодой, бодрой, полной сил и желаний, а в паспорт поглядишь и диву даешься – нежели сорок пять?

Про «ягодку» Юлька слушать жуть как не любила, воротило ее от этих банальностей.

Выглядела она для своих «ягодных» лет очень даже ничего. А все почему? Потому что любит и любима. Еще была бы определенность в отношениях, счастье достигло бы наивысшей точки. Хотя... Нет предела совершенству.

Любимый мужчина находился в статусе любовника без малого два десятка лет. За это время Юлия Михайловна успела дважды побывать замужем и дважды развестись, убедившись, что без милого никакого рая нет, даже в шикарном дворце. Милым, естественно, был он, единственный и неповторимый, лучший из лучших, самый-самый.

За полтора месяца она безумно соскучилась по своему мужчине. Они каждый день болтали по телефону, но разве сердце успокоишь разговорами на расстоянии, когда не можешь дотронуться, посмотреть в глаза, помутузить

слегка, от нахлынувших чувств, прижаться, вдохнуть любимый запах, поговорить о сокровенном тихо-тихо, с пониманием. Да, они говорили по телефону о любви, сожалели о долгой разлуке, но это всё не то...

Два дня назад любимый мужчина таинственным голосом сообщил, что по приезду Юльку ожидает сюрприз. Заинтриговал, право-слово. Именно так она и высказалась, благо надевать на лицо маску восторженного ожидания не потребовалось: все-таки есть преимущества в телефонных разговорах. В данный момент на ее лице была настороженность с долей недовольства. Тайны-интриги она не любила, предпочитала открытость и прямоту, за редким исключением.

Если честно, никаких особых сюрпризов Юлия от возлюбленного не ждала, все его «сюрпризы» ей доподлинно известны – путевки на заграничный курорт, якобы командировки, или трехдневные поездки в загородный дом его приятеля, занимавшего ответственный пост в городской администрации. Если приятель вместе с семьей в отъезде, влюбленная парочка у него на даче.

Юльке надоело делить мужчину с его женой, надоело постоянное вранье и постоянные ожидания. Как же хочется определенности!

Чтобы не портить лирическое настроение, Слезкина постаралась переключиться на подругу Эльвиру, которая начала донимать своими звонками, едва авиалайнер совершил посадку в аэропорту родного города. Всего-то семь утра, а Эльвире не спится.

Подруга напустила туману, только обронила, что ей необходимо дружеское участие, в котором Юля преуспела. Впрочем, чему удивляться, они дружат уже двадцать восемь лет, с тех самых пор, как поступили в один вуз.

Напускай туману - не напускай, Слезкина без труда догадалась – опять начнет жаловаться на мужа. Но отказать подруге не смогла, только заявила: сначала домой, душ, то се, потом отдых, а уж потом жалобы и сострадание. На что Эльвира Сарайкина отреагировала неожиданно: она носит в себе «всё это» уже полтора месяца. Как только Юлька укатила в столицу, «всё это» и началось. – И ты держала в себе? Не рассказала по телефону? – удивилась Слезкина, выпархивая из здания аэровокзала. – Я думала, что всё само собой рассосется, - с глубокой печалью пояснила подруга и наотрез отказалась приоткрыть завесу тайны.

Несмотря на возникший интерес, Юлия Михайловна настояла на своем - душ, отдых и так далее по программе.

И теперь, подставив лицо ласковому солнышку и безмятежно щурясь, Юлька размышляла, что на этот раз учудил Эльбрус Сараев. Неужели не подал кофе в постель? Или с пристрастием не выслушал рассуждения супруги о злобной соседской собаке, едва различимой без оптического прибора, которая дерзко облаяла несчастную женщину? Или не признался в любви, когда жена того требовала по причине отвратительного настроения или отвратительной погоды? Или тапочки в зубах не принес? Или, не дай боже, не заставил откушал супца, собственноручно сваренного «как она любит»?

Я злыдня, - подумала о себе Слезкина без всякого раскаяния. Решила купить мороженое и слопать его, сидя на скамейке – как жарким летом. Но в сумочке завибрировал мобильник. Естественно, подруга обеспокоилась ее опозданием.

Юлия буркнула, что скоро будет, и отключилась. Кривая настроения все же плавно поползла вниз.

Ну, почему я обязана лететь по первому зову?! – мысленно возмутилась Слезкина. – Почему на меня надо вываливать свои проблемы?! Где взаимопонимание? Заинтересованность моими проблемами, где? Никому нет до меня никакого дела!.. Впрочем, я нагло вру... Любимому мужчине есть до меня дело, но я у него на втором месте, на первом месте у него жена – бедная, несчастная, больная-пребольная, совершенно потерянная в этом мире, без него она не проживет ни дня. А я проживу, потому что я не бедная, не несчастная, не больная-пребольная. Я и баба, и мужик – все делаю своими руками. Эх, как же хочется, хоть иногда, пустить слезу, пожаловаться, уткнувшись в надежное мужское плечо, переложить на кого-то свои проблемы. Иной раз и покапризничать. Увы, перед любовником не станешь проявлять характер, с любовником надо быть доброй, ласковой, всепонимающей, всепрощающей... Не надоело быть таковой, ничего не получая взамен? - спросила она у самой себя и поразилась тому, что впервые об этом подумала за долгие годы тайной любви.

Жила по привычке, даже не сравнивала никогда двух мужей и любовника. Но если призадуматься, то любовник окажется в невыигрышном свете во всех отношениях.

Тогда зачем ей эта связь, переставшая радовать, будоражить?! Связь по инерции, без парящего вдохновения, от которого хочется осчастливить всех, от которого хочется сотворить что-то... немыслимое и несвойственное себе. Чуть ли не героический подвиг, допустим, в творческом плане: стихи-поэмы-оды в его честь или графический набросок, намекающий на душевный подъем и наполненность мечтами.

Да, для нее, человека приземленного, любое творчество подобно подвигу.

Осень, осень, ну давай у листьев спросим, где твой май, вечный май, - вспомнила она слова песни и совсем загрустила.

- Не будет в моей жизни весны и мая, а будет одна осень, хмурая и ненастная,
- с горечью проговорила женщина еле слышно.

Однако ее услышали.

- Вы что-то сказали? – спросил незнакомец в солнцезащитных очках, притормаживая рядом.

- Как пройти в Ленинскую библиотеку? - на автомате произнесла Слезкина, с трудом совладав с недовольством.

- Меня зовут Виталий, - неожиданно назвалса мужчина и вкрадчиво поинтересовался, - а вас?

- Вы решили, что я к вам подкатываю, что ли? – вспыхнула Юлька. На самом деле ей вдруг захотелось расхохотаться: вспомнилась юмористическая сценка про «тупого доцента по имени Авас» с участием Аркадия Райкина и совсем молодого Романа Карцева.

- Ни в коем случае! – заявил мужчина и снял очки. Вероятно, для того, что лучше ее рассмотреть. Или привлечь женское внимание. Скорее второе, потому как привлекать было чем: глаза у Виталия были разноцветные – один карий, другой голубой.

Юлия застыла, с трудом борясь с желанием покачать головой из стороны в сторону, как это делают знатоки живописи на вернисажах. Челюсть произвольно поехала вниз, от неожиданного осознания – Виталий завладел ее вниманием, чего не бывало лет пятнадцать, когда ее познакомили с мужчиной, который впоследствии стал ее вторым мужем. На короткий срок. В дело вмешался любовник, который старательно делал упор на умственные недостатки нового супруга, не забывая о физических изъянах.

Явных отклонений у нового супруга не было, впрочем, как и не явных, но, если твердить о них изо дня в день, они точно появятся... в воображении. В ту пору Юльке хотелось отреагировать на бубнение любовника известной фразой: чья бы корова мычала, а твоя бы помолчала. В том смысле, что тоже мне, эталон мужской красоты выискался. Естественно, она промолчала, раз, два... А потом «рассмотрела» указанные недостатки нового мужа. Кретинка, идиотка. Чем был плох второй супруг? И зарабатывал неплохо, и сам из себя видный, и не глуп. Без высшего образования, но это ерунда. Некоторые и с дипломом таблицу умножения не полностью освоили.

Справившись с челюстью и изобразив на лице деловитую собранность, Юлька все же таки не справилась с наглой мыслью, вползшей змеей подколотной в ее голову: он послан мне судьбой.

Кто послан?! Кем послан?! Виталий послан мне судьбой? Это мне природа навеяла? Или мозги набекрень после долгого отсутствия? Сейчас я пошлю подальше этого... разноцветного и забуду о нем. Меня Эльвира заждалась, уже рвет и мечет, а я тут... прохлаждаюсь.

Несмотря на мысленные приказы-уговоры, Юлия Слезкина продолжала стоять с якобы каменным лицом, растеряв в пылу мысленной борьбы всяческую деловитость. Какое выражение прилепилось к лицу на самом деле, осталось лично для нее загадкой, но судя по тому, что мужчина мягко улыбается, то... лицо выдало ее с головой. Может, она тоже улыбается, и ее улыбка похожа на нервную конвульсию... рта? Конвульсия рта это что-то новое в ее лексиконе. Юлия вообще любила выражения, не употребляемые в обиходе. Например, взлохматить пюре – это значит, взрыхлить перед тем, как поставить тарелку в микроволновку. Или зашарканное мясо – сильно поджаренное. Или живот-бутузик – она объелась. Конечно, данные слова и выражения озвучивались ею в узком кругу близких, но иногда вырывались за пределами круга, что вызывало у людей непонимание. Но это их проблемы, Юлька по этому поводу не заморачивалась. Не то чтобы относилась к мнению посторонних людей наплевательски, не брала в голову – так жить спокойнее. Если человек переходил границы дозволенного, она награждала его таким взглядом, что у него отпадала всякая охота не только вступать в споры-перепалки, но вообще находиться с ней рядом.

Да, взгляд у Юлии Слезкиной всегда был выразительным и понятным многим. Только двум людям позволялось многое – это ее подруга Эльвира, на это была веская причина, и это ее любовник. Кажется, последний

незаметно приблизился к опасной черте, за которой их долгим отношениям наступит крах.

Полтора месяца разлуки сотворили свое темное дело: Юлька впервые задумалась о возможности разрыва. Любовь начала ее тяготить, в любовнике все стало раздражать. За это время ей пришлось пуститься в воспоминания, и ни к чему хорошему это не привело.

Почему я пришла к данному выводу о расставании только сейчас, стоя перед мужчиной, назвавшимся Виталием? Почему Виталий вызвал трепет в моей душе? Как будто мне двадцать лет, и я способна полюбить с первого взгляда.

Глупости! Мне не двадцать...

Сейчас Юлия пожалела, что у нее нет с собой солнцезащитных очков, чтобы спрятаться за ними.

Двое продолжали стоять посредине тротуара, мешая движению, и обмениваться ничего не значащими фразами. В какой-то момент оба разом замолчали и вцепились друг в друга взглядами, как бы пытаясь проникнуть в душу.

Юльке стало ни по себе, но в теле появилась давно позабытая легкость. Даже показалось, что ноги оторвались от земли, еще минуту и ее унесет в неведомые дали, подальше от места встречи, чтобы... на смену устоявшейся и понятной жизни не пришли переживания. Переживаний ей и без того хватает, но к этим переживаниям она привыкла, как привыкают к бытовым неудобствам, которые не можешь изменить. Скорее – не пытаешься, потому что не знаешь, как будет в другом месте, где могут появиться очередные бытовые неудобства, похлеще предыдущих. Уж лучше пусть так...

Молчать далее женщина посчитала неприличным. Хотя у нее был выбор – можно хмыкнуть и пойти дальше, оставив мужчину в глубоком раздумье. Впрочем, долго ломать голову он не будет по причине резко потерянного интереса или быстрой постановки диагноза, и первое, и второе тесно связаны между собой.

- Вы так и не назвали свое имя, - напомнил Виталий.

- Юлия. Юлия Михайловна, - дерзко вздернув подбородок, произнесла она с легким вызовом.

- Очень приятно, - улыбнулся мужчина.

Он был высок, хорош собой и, что вероятнее всего, безвозвратно женат. Давно и счастливо. Но сейчас голову пригрело солнышко, по-весеннему теплый ветерок спутал мысли, сердце екнуло при виде более-менее подходящего экземпляра с симпатичной мордашкой и наличием интеллекта на той самой мордашке, и он надумал приударить. Из спортивного интереса. Заодно вспомнить золотые годы молодости.

Повеса, - подумала о нем женщина и добавила, - престарелый хлыщ... Престарелым его не назовешь – не старше меня, или на пару лет всего-то, а что касается хлыща, то не в бровь, а в глаз: одет с иголочки, модно и... вызывающе. Но и мы не лыком шиты, по улице в рваных хламинах не ходим, растоптанные валенки с латанными пятками не носим.

Слезкина представила себя в истерзанной телогрейке и почему-то с номером на груди, как у эков, и почему-то длинной за колено – пальто-телогрейка получилось, в валенках, обязательно латанных, и невольно прыснула.

Неизвестно, что взбрело в голову Виталию с глазами разного цвета, но судя по улыбке кота в масленницу, можно предположить, он доволен произведенным эффектом.

Хлыщ и задавака! Привык сражать теток наповал не только необычными глазами, но и бархатным голосом, обволакивающим не хуже теплого пледа в период запаздывающего отопительного сезона. А эта... рыбка по собственной инициативе приплыла в его сети, когда принялась говорить сама с собой. Обычная женская уловка – заметила классного мужика и давай...

Примерно так рассуждала Слезкина, хмурясь. Вспомнив, что от усердной работы мысли на ее лице выползают мимические морщины, она быстро привела себя в порядок, превратившись в даму на балу, у которой все танцы расписаны – от поклонников нет отбоя.

Теперь можно, Юлия Михайловна, двигать дальше, - мысленно обратилась она к себе, - негоже тарашиться на мужика с завышенной самооценкой. Этот орешек тебе не по зубам.

- Приятно было познакомиться, - произнесла она, почти не разжимая губ: великосветская дама с безумным количеством поклонников, не иначе.

После чего предприняла попытку удалиться, даже сделала пару осторожных шажков, как будто шла по болотистой местности и боялась увязнуть с

концами. Требовался рыцарь, способный протянуть руку помощи. Поэтому она, совершенно произвольно, слегка повела головой, как бы призвала рыцаря следовать за ней – для подстраховки.

Мужчина-рыцарь выказал сообразительность и последовал, мягко ступая.

- Прекрасная погода, не правда ли? – растянув рот в улыбке, поинтересовалась Юлия, чем выдала себя с головой – именно на этот его шаг и рассчитывала.

- Великолепная, - подхватил охотник на подходящих кандидатур с мордашками и интеллектом и быстро сориентировался, - может быть, прогуляемся? А потом посидим в уютном месте, выпьем по чашке кофе или по бокалу вина.

- Я очень спешу, - опомнилась Юлия Михайловна и посмотрела на свои наручные часы. – Ой, я уже безответственно опаздываю.

- А опаздывать вы не любите, - продолжил за нее Виталий, - как не любите приходить раньше времени.

- Да. А как вы... Впрочем, это не важно. Было приятно познакомиться, - снова повторила она и на этот раз засеменила по дорожке, но... далеко не ушла. Мужчина ухватил ее за руку как-то так ласково, уважительно и предостерегающе, что она растеряла все положенные случаю слова. А он приблизился на опасное расстояние и проникновенным голосом признался, обдувая ее разгоряченное лицо:

- Я не могу вас отпустить.

- Но я... Но мне... - проблеяла тетя сорока пяти лет, позабывшая, когда она в последний раз кокетничала, когда за ней приударяли, тем более, на улице.

А потом он совершил вообще недопустимый поступок – приложился губами к ее пальцам, ледяным, как у трупа в морге. Его губы были теплыми и... волшебными: что-то в женской груди колыхнулось, что-то дернулось и по телу раскатилась волна жара вперемежку с кусочками льда – чтобы не забывалась. Кусочки льда мигом растаяли, в результате жар несколько спал. Юлия попыталась совладать с внезапно нахлынувшими эмоциями, но с мозгами произошла какая-то круговерть, поэтому она легко призналась:

- Я люблю другого, давно.

- Меня это не остановит. Я сделаю все возможное и невозможное, чтобы вы...

- Ничего не получится, - нечетко выговорила Слезкина, не совсем вернувшись с незнакомой планеты. Или со знакомой, но позабытой.

Губы ее не слушались, сильно мучала жажда. В голове носился весенний ветер. Сердце жило своей непонятной жизнью, складывалось впечатление, что кто-то барабанит по нему барабанными палочками, а сердце пытается увернуться. Ее глаза ловили его взгляд. Ей казалось, что разноцветные глаза смотрят на нее с разной степенью чувственности, но главное – чувственность присутствует в обоих глазах.

- Вы сказали о любви к другому с какой-то безнадежностью и даже болью. Эта любовь не приносит вам счастья, - с уверенностью заявил Виталий, тиская ее руку. В руке тут же возник источник какой-то там энергии, возвращая к жизни весь организм, который до этой встречи как бы пребывал в состоянии сомнамбулы. Или жил, но какой-то затравленной жизнью, направленной на угоду одному человеку.

Сердце перестало метаться, сначала затаилось, а потом... переродилось, как будто в тело поместили чужое – донорское - сердце, к которому придется привыкать, с которым всё в этой жизни изменится.

А надо ли ей что-то менять? В ее-то годы!

- Откуда вам знать, - хмуро обронила Юлия, отвернулась и незаметно смахнула слезу. Сколько можно ждать чужого мужа, который никогда не станет твоим?

- Я знаю, - трогательно проговорил Виталий.

Еще немного и пути назад уже не будет, - подумала Слезкина. – Я не хочу перемен. Они мне не нужны, потому что кроме новой боли они ничего не принесут. Еще один женатик, постоянная ложь, долгие ожидания без конца и края.

- Мне пора. Прощайте, Виталий.

Какой-то круговорот уходов-возвращений. Он снова ее не отпустил. Юлька облегченно вздохнула, незаметно для него. Станный народ женщины – делают совсем не то, чего хотят, боятся резких перемен в жизни, о которых мечтают.

Она должна или уйти, или... что-то сделать, отчего ей будет потом стыдно.

Лучше уйти.

- Я... спешу. Дайте мне номер своего телефона, и я вам обязательно перезвоню.

- Вы сказали это таким тоном, как будто я попросил миллион без отдачи и вам необходимо время на размышление.

- Я вам позвоню, - убедительно произнесла Слезкина.

После чего они расстались. Она пошла своей дорогой, а он... стоял и смотрел ей вслед. Юлька чувствовала его проницательный взгляд, ей хотелось обернуться и убедиться, но она уговорила себя этого не делать.

До дома Эльвиры было рукой подать, поэтому с нахлынувшими эмоциями она справиться не успела. Именно по этой причине не сообразила, о чем начала вещать подруга.

- Что? Что ты сказала? – переспросила Слезкина, сбрасывая сапожки и снимая пальто.

- Я сама сначала не поверила, когда получила повестку в суд, - всхлипнула Эльвира.

- Повестку... куда? Ты кого-то кокнула, пока я повышала свою квалификацию?

- Очень смешно! – разозлилась подруга и запричитала, - у меня горе, можно сказать, а она веселится.

- Давай по порядку, - предложила Юлька, пытаясь вникнуть в суть дела.

- Мой дорогой муженек подал заявление на развод. Меня как обухом по голове... шарахнул.

- А он что говорит? Он как-то объяснил причину, подтолкнувшую его к такому шагу? – с опаской спросила Слезкина.

- Когда пришла повестка в суд, я слегка обалдела и набросилась на него, а он заявил: хотел развестись, а потом передумал. Минутное помутнение рассудка. Мол, не обращай внимания. А я ему: так что, никуда ходить не нужно? А он: сказал же, передумал, сиди дома и ни о чем не думай.

- И что дальше?

- Через неделю мне пришло уведомление, что наш брак официально расторгнут. Развели без меня, представляешь!

- Быть такого не может, - выдохнула Юлия.

- Оказывается, может. Конечно, детей у нас нет, Эльбрус сказал на суде, что материальных претензий ко мне не имеет, вот и... всё теперь... Одна я осталась... никому не нужная, - завывала подруга, размазывая слезы по щекам.

Несмотря на постигшую утрату мужа-подкаблучника, выглядела она вполне сносно. И волосы уложены, и макияж присутствует, и платьице новое с шикарным вырезом. На ее фоне вроде бы счастливая Юлька смотрелась не выигрышно, хотя, тоже тщательно следила за собой.

В Эльвире всегда была изюминка с порохом – взрывоопасная смесь, заметная любому мужчине. Потому в далеком прошлом Эльбрус переметнулся от спокойной, правильной и сдержанной студентки Юлии к «взрывоопасной смеси», которая женила его на себе и принялась вить из него веревки. Эльбрус бунтовал тихо и незаметно – чтобы супруга не догадалась.

- А ведь как он меня любил! Как любил! – напомнила громким голосом брошенная жена, подправляя макияж. Затем взялась разливать вино по бокалам. – Выпьем, Юлька, за мою свободу!

- Так ты рада или опечалена случившимся фактом?

- Пока не разобралась, надо выпить.

Они выпили.

- Между первой и второй перерывчик небольшой, - пропела хозяйка, вновь наполняя бокалы.

- Не части! Мне уже вино в голову ударило, - осадил ее подруга, чьи мысли метались в той самой голове подобно стае голубей, слетавшейся к пункту питания.

- Не переживай, останешься ночевать у меня.

- В кои-то веки хочу выспаться на своей кровати.

- Не капризничай, пей.

- За что на этот раз? - с долей обреченности произнесла Слезкина.

- За любовь! Какие наши годы!

- Прекрасный тост!

- Между второй и третьей...

- Я не хочу напиваться, у меня еще планы...
- Какие у тебя могут быть планы, - отмахнулась Эльвира.
- Ты, Зин, на грубость нарываешься, ты, Зин, обидеть норовишь, - подражая Высоцкому, предупредила Юлия.
- Прости-прости, - запричитала подруга и вновь разлила вино. – Предлагаю выпить за... борьбу!
- Какую борьбу?
- Я буду бороться за мужа! Никому его не отдам! Я так решила! – отчеканила брошенная жена и стукнула кулаком по столу.
- Неужели он ушел к другой женщине? – выдержав паузу и тиская в пальцах ножку бокала, принялась размышлять Юлия.
- Вот этого я не знаю, но узнаю, поверь, - осушив бокал, заявила Сарайкина и покивала головой, призывая подругу последовать ее примеру.
- Я тебе верю, - выдавила из себя Юлия и неуверенно поставила пустой бокал на стол. Взяла виноградину и бросила в рот.
- Сарайкина вернулась к теме прежней любви.
- Ни тебе рассказывать, как Эльбрус меня боготворил, как он исполнял любое мое желание, любую мою прихоть.
- Кажется, твой муж уже пытался уйти от тебя, - вставила подруга.
- Пытался,- кивнула Эльвира, - но ты помнишь, что со мной произошло после его заявления?
- У тебя отнялись ноги на нервной почве, Элику пришлось за тобой ухаживать...
- Что значит пришлось? – возмутилась Эльвира. – А кто бы за мной ухаживал?! Он виноват, он пусть и... - Она быстро сдулась, повертела головой, как будто выискивала мужа, желая убедиться в его отсутствии для того, чтобы сделать важное признание. Признание незамедлительно последовало, - дело прошлое, поэтому я скажу тебе правду – я прикидывалась больной, чтобы Элик меня не бросил. Он всегда считал меня слабой здоровьем.
- В тебе погибла гениальная актриса, даже я поверила.
- Да, надо было поступать в театральный, - мечтательно протянула Сарайкина.

- Что же на этот раз не прикинулась тяжелобольной?
- На этот раз бы не прокатило, - вздохнула она.
- Эльвира, скажи честно: ты его любишь?
- Эльбруса?
- Естественно, кого же еще!
- Люблю.
- Звучит неубедительно. Лично мне кажется, ты его никогда не любила. Тебе импонировало, как он к тебе относится. Ни один мужчина не будет выносить издевательств, подобных твоим.
- Я издевалась над Эльбрусом? – делая паузы между словами, грозно протянула Эльвира. - Ну, знаешь!
- Остынь, - отмахнулась Юлька. – Передо мной хотя бы не строй мать Терезу. Ваш брак давно трещал по швам. Вы оба с трудом терпели друг друга, ты – показательно выпячивала неприязнь, а Элик – тайно, чтобы «не свести тебя в могилу», ты ж у нас слаба здоровьем.
- Он меня любит, любил и будет любить! Он меня боготворит! Я его верну во чтобы то ни стало!
- Лучше найди себе другого мужчину... Нет, не так – лучше влюбись в другого мужчину, а этого оставь... в покое.
- Не оставлю! Что бы ты не говорила, я его люблю, потому что он лучше всех.
- Если ты его любишь, то ты наделяешь его качествами, которых у него нет.
- Любовь слепа, - быстро согласилась Эльвира. – Но ты сама говорила, что Эльбрус такой-растакый-разэтакий.
- Что ты хотела услышать, то я тебе и говорила. Предлагаю посмотреть на ситуацию со стороны. Ты – это какая-то посторонняя женщина, привлекательная, умная, достойная, состоявшаяся. – Эльвира кивнула. – От этой прекрасной во всех отношениях женщины уходит муж. Серый, невзрачный. С зарплатой клерка.
- Мда, действительно, Элика можно назвать красавцем с большой натяжкой.
- Точно – не Ален Делон.

- И зарплаты мне его не хватит на колготки.
- Опять же – мужчина не обладает чувством собственного достоинства, жена постоянно вытирает об него ноги. А он терпит! Почему? Потому на фиг больше никому не нужен. Если он никому не нужен, то зачем он ей? Опять же в постели он не...
- А ты откуда знаешь?
- Я предполагаю: раз он побаивается свою жену, раз он старается ей во всем угодить, то не может расслабиться, не может отдаться сексуальному порыву сполна. Скованность в сексуальной жизни приводит к пагубным последствиям. Постепенно мужчина становится импотентом, прибегает к помощи стимуляторов мужской силы, которые сказываются на здоровье. Если у него барахлит сердечко, а оно у него барахлит – возраст и постоянные стрессы, то неминуем трагический конец, винить в котором будет себя супруга.
- Но она ни сном, ни духом, что он принимает какие-то там стимуляторы мужской силы, чтобы соответствовать... хм... ее запросам.
- Будет он тебе... своей супруге все рассказывать, у него есть свои тайны... Не может их не быть.
- Если честно, - понизила голос Эльвира, - Эльбрус давно уже не на высоте. Он вообще не изъявляет желания, то у него голова болит, то он устал... от жизненных ошибок... Слушай, Юлька, а он тебе никогда не рассказывал – может, у него есть любовница?

Юлька поперхнулась вином и долго кашляла.

- У кого любовница? У Эльбруса? Ты совсем умом двинулась? Кому он нужен... уж, прости меня за прямоту. Росточка среднего... Даже ниже среднего. Значит, куча комплексов. Ноги колесом, торс дряхлый. Голова в виде узбекской дыни. А уши! Это ж не уши, а черти что!
- А что уши? По-моему, уши как уши, не хуже, чем у других.
- Уши безобразно большие, прилеплены к вытянутой голове как два обломанных забора к воротам! А рот?! Рот как у жабы. – Юлия раззявила рот и попыталась изобразить жабье пение. Получилось нечто среднее между кваканьем и уханьем совы.

- Надо же, а я как-то не замечала, - призадумалась Эльвира, глаза которой начали открываться после стольких лет супружеской жизни.

- Ты его давно перестала замечать – кто-то крутится под ногами и пусть себе крутится, главное – не споткнуться и не упасть.

- Последние годы он сильно меня раздражал, - призналась подруга.

- Вернемся к «незабываемому» образу, - голосом режиссера-постановщика новой пьесы обратилась Слезкина к «актрисе» Сарайкиной. – Что ты скажешь о глазах Эльбруса? – требовательно спросила она и не стала ждать честного ответа, - это не глаза, это один смех, - выразительно хмыкнула она, - маленькие как у мыши, причем у мыши, которая боится вылезти из норы, чтобы ухватить что-то съестное. Ей лучше умереть от голода! Трусливая мышь! – презрительно фыркнула она чрезвычайно громко, словно собиралась окончательно добить грызуна, притаившегося в норе.

Хозяйка оценила пол кухни придирчивым взглядом, сфокусировавшись на углах помещения, после чего облегченно выдохнула. В это время гостя изучала дно опустевшей бутылки через горлышко, время от времени проворачивая бутылку, как будто это был калейдоскоп с красивыми узорами из стекла внутри. Сообразительная хозяйка достала из холодильника очередную порцию утешения одинокой женщины.

- За женскую красоту и мужскую силу! – провозгласила она.

- Значит, ты считаешь, что мужчине не обязательно быть внешне привлекательным? – уточнила Юлия, освободив бокал в очередной раз. Счет она давно потеряла.

- Кому нужен муж-красавчик? Красивый муж – чужой муж!

- Но жить с Крокодилем Крокодиловичем как-то не комильфо. Согласна?

- Стыдоба, да и только. В незнакомую компанию с ним не придешь, - резюмировала Эльвира. – Потому что... встречают по физиономии, а провожают с радостью. Как говорил Жванецкий: как жаль, что вы, наконец, уходите! – запуталась она в «показаниях».

- Вернемся к нашим баранам, - предложила подруга. Судя по лицу, Эльвира ее не совсем поняла, пришлось напомнить, - мы обсуждаем всем нам известного гражданина Сарайкина.

- Ааа, Сарайкина, - нахмурилась его бывшая супруга. – Ух, Сарайкин, ух, поганец! – внезапно оживившись, с задором произнесла она, будто восхищалась некими его качествами.

- Лично я никогда бы не вышла за такого замуж, пусть бы он был единственным мужчиной на земле, - заплетающимся языком сообщила Юлия, не думая о последствиях.

А последствия в образе жарко обсуждаемого Эльбруса Сарайкина не заставили себя ждать.

Эльбрус открыл дверь своей бывшей квартиры полчаса назад. Он пришел за оставшимися вещами, но понял, что его бывшая супруга дома, причем не одна, и между двумя женщинами ведется очень занимательная беседа. Если бы Сарайкин не услышал своего имени, он был смылся по-тихому, от греха подальше. А так... решил задержаться и узнал о себе много чего нового, не совсем справедливого. Чего уж – мало что было правдой. Ладно бы его бывшая супруга, он как-то не удивлен - она пила из него кровь на протяжении долгих лет, ни в грош не ставила, но Юлия... Эту женщину он любил долгие годы, эту женщину он решил назвать своей женой, разорвав опостылившие узы брака. Она не говорила прямо, но он догадывался о ее желании воссоединиться, презрев давнюю дружбу с Эльвирой. Их любовь была выше женской дружбы.

Дальше слушать обсуждения собственной персоны ему стало невыносимо. Эльбрус распахнул дверь кухни и предстал перед бывшей женой и любовницей со стажем во всей своей красе: с большими ушами, дохлым торсом, с ногами колесом, несуразно большим ртом и чем-то там еще, не заслуживающим внимания. Мужчина без чувства собственного достоинства, с мизерной зарплатой.

- Хорошего же вы, девочки, обо мне мнения, - зловещим голосом произнес он.

- Эльбрус?! – испуганно воскликнула бывшая.

- Эльбрус! – мечтательно протянула любовница, соскучившаяся за полтора месяца разлуки. Потеряв бдительность на почве усердного питания, спросила, - что за сюрприз ты мне приготовил?

- Я развелся с женой! – рявкнул он. – Но, как я понял, тебе я совсем не нужен.

Подруги недоуменно переглянулись, затем сфокусировали взгляды на возмущенном ораторе.

- Как я мог так ошибаться! - остервенело воскликнул он и сжал кулаки. Кулаки у худосочного мужчины были так себе. Совсем не выразительные и опасения не вызывали. К тому же Сарайкин, надо отдать ему должное, всегда великодушно и учтиво относился к противоположному полу. – И эту женщину я любил всю свою жизнь! – продолжал взывать он, указывая в непонятном направлении – строго посередине между женой и любовницей. Обе снова переглянулись, в глазах затаился важный вопрос, озвучивать который они не спешили, пусть человек выплеснет накопившееся.

Однако поток красноречия быстро иссяк, видимо, мужчина хотел услышать слова раскаяния, заверения, что его не так поняли, что речь шла совсем не о нем, приправили бы всё это неприкрытой лестью, и он бы с удовольствием проглотил. А далее жизнь потекла бы в направлении, которое он сам для себя выбрал, пусть и с опозданием на двадцать без малого лет.

Пауза изрядно затянулась, прерывать молчание никто из троицы не спешил.

Первой очнулась Юлия, из ее головы хмель вылетел пушечным снарядом, как только на пороге кухни возникла знакомая фигура с глазами, мечущими молнии. Юлия не привыкла голословно обижать людей, но... в этот раз ей показалось, что доля правды в ее словах есть – ничего заслуживающего внимания в мужчине не просматривалось. Он был заурядной личностью с завышенной самооценкой, спрятанной глубоко внутри в присутствии супруги Эльвиры. Однако зашкаливающая самооценка перла наружу, когда мужчина оказывался наедине с ней, с Юлией, которая умела внести свою лепту, выбрав верный тон и подобрав правильные слова. Именно этим притягивала к себе мужчину – в другом месте он такого понимания не находил. А она-то, дурочка наивная, думала, что это любовь.

- Элик, ты всё неправильно понял, - привычно, несмотря на озарение, запричитала Юлия. Из жалости запричитала, чтобы, не дай боже, этот слабый мужчина что-нибудь... Что, что-нибудь? Он слабый, ни на что не способный. Да, ушел от жены, но как?! Изловчился, обманул, а не сказал прямо: Эльвира, я тебя не люблю, хочу с тобой развестись.

Эльбрус подобрался, как спринтер перед забегом, с той разницей, что не принял привычную «позу». А Юльке стало противно – от его ожидания льстивых речей, от надутой физиономии, как у избалованного ребенка,

которому отказали в сладком, от боязливого поглядывания украдкой на бывшую супругу, не выгладевшую ошарашенной от неожиданных открытий – можно подумать, давно обо всем догадалась.

Несмотря ни на что, Слезкина продолжила свой прерванный монолог, потому как пыталась загладить вину.

- Эльвира сказала, что она будет за тебя бороться, а я подумала: если она будет за тебя бороться, то обязательно отвоюет, а я не хочу, чтобы она тебя отвоевала, я хочу, чтобы ты был только мой, - пробубнила она как бездарная актрисулька, которой за тридцать лет надоела роль второго плана с короткими репликами. Эта реплика была самой длинной, но данное обстоятельство ее мало успокаивало.

- Твой? – вскинула брови бывшая и глупо хихикнула. В отличие от подруги она захмелела еще сильнее: на кого как сказывается неожиданное вторжение третьего лица. Чтобы закрепить свое невесомое состояние, Эльвира подлила себе вина, пригубила, после чего принялась через стекло бокала изучать бывшего мужа. – Так значит вы любовники? - безразличным голосом спросила она, переводя фокус на подругу. Та с раскаянием кивнула.

– Эля, ты прости меня, - все-таки извинилась Юлия, вырвала из рук Сарайкиной бокал и опрокинула в себя в три глотка. Даже не закашлялась.

- Почему-то я не удивлена, - спокойным тоном произнесла хозяйка. Ее больше беспокоил пустой бокал, чем новость. – И что ж, у вас любовь? – растягивая до неприличия последнее слово, уточнила она.

- Была, - резво отозвалась Слезкина.

- Сейчас уже не знаю, - высказал свое неопределенное мнение Эльбрус Сарайкин.

- Зато я знаю – мы никогда не любили друг друга! – заявила Юлия. – Мне нравилось играть роль утешителя, выступать мамочкой, тебе нравилось бегать ко мне после каждого унижения, нанесенного супругой.

- Любовь должна строиться на уважении, если уважения нет, то... - развела руками Эльвира, растопырив пальцы. Свою философскую мысль она не закончила.

- Ты права, - подобострастно произнесла подруга.

- Юлька, тебе никогда не везло с мужиками... Впрочем, как и мне.

- И что, у тебя их было много? – с напускным равнодушием спросил бывший и скривил рот.

Эльвира исподтишка взглянула на подругу, незаметно подмигнула и выставила перед собой обе руки ладонями вверх, словно собралась изучить линии жизни. После чего взялась что-то нашептывать и загибать пальцы. Юлия и Эльбрус заворуженно следили за ее действиями. Но Юлия – насмешливо, а Эльбрус постепенно доходил до точки кипения. Чтобы не наговорить чего-нибудь лишнего и не дать обеим понять, как сильно расстроен, он показательно развернулся на сто восемьдесят градусов и направился в прихожую, где через минуту сильно хлопнула входная дверь.

- Надеюсь ключи от моей квартиры он оставил на полке. Наконец перестанет сюда шастать в мое отсутствие, - облегченно выдохнула Эльвира.

- Я... даже не знаю, сможешь ли ты меня простить, - протянула Слезкина. – Когда между нами... всё... случилось впервые, я чуть не умерла от ужаса, что так с тобой поступила, а потом...

- Как-то втянулась и не считала это предательством, - договорила за нее подруга. – Скажу честно – я не обижена и не жалею ни о чем, что было, то было. Если бы не ты, наш брак не просуществовал так долго.

- А как же потерянные годы, ушедшая молодость?

- Наверное, на тот момент мне нужен был именно такой мужчина – подкаблучник, я была сама себе хозяйка, несмотря на его постоянное присутствие в моей жизни, незаметное, безынициативное, а сейчас мне хочется уйти на второй план, спрятаться за широкой мужской спиной.

- Сможешь?

- Смогу, - без раздумий ответила Эльвира.

- Тогда почему тебя волнует развод?

- Меня волнует тот факт, что инициатива исходила от него.

- Сильно удивил поступок Эльбруса?

- Нисколько, - пораскинув мозгами, ответила Сарайкина. - Пусть он был для меня пустым местом, как ты выразилась – кто-то постоянно вертелся под ногами, но глаза у меня есть, я давно заметила, что он готовится к какому-то решительному шагу. И заняла выжидательную позицию. Хотелось поверить

ему на слово, когда получила повестку в суд, и я поверила. Подумала в тот момент – пусть все идет как идет. Даже интересно стало, на что способен этот мужчина.

- Когда в студенческие годы Эльбрус переметнулся от меня к тебе, я немного поплакала в подушку, потом решила – значит, так было нужно.

- Любила его?

- Да, любила, но не его, а придуманный образ, идиллический... Не нужно было начинать всё заново. Но в тот момент он был таким несчастным. И я его пожалела... Не думаю, что у нас что-то вышло. Одно дело – редкие свидания, встречи-расставания, другое – совместная жизнь. Пелена с глаз бы спала, и я поняла, кто есть кто. Переделывать взрослого мужчину бессмысленно, тем более, у меня нет на то никакого желания.

В разговоре возникла короткая пауза, нарушила которую хозяйка.

- Вот он сейчас ушел, дверью хлопнул и как будто поставил жирную точку в наших отношениях, - сказала она и облегченно выдохнула.

- Нехорошо получилось, - пробормотала Юлия, имея в виду свои резкие высказывания в адрес Эльбруса, достигшие его ушей.

- Нехорошо подслушивать! - рявкнула Эльвира и неожиданно продекламировала, - дверь тихонько за скрипела, и в светлицу входит царь, стороны той государь. Речь последняя ему... не пришлось по вкусу.

- Помыкается-помыкается, потом до него дойдет, что везде полный облом, и он вернется, бросится тебе в ножки, - лягнула Юлька, предположив, что подруга злится на нее и сожалеет о случившемся, но старается это скрыть.

- Ну уж нет, - покачала та головой, вытаращив глаза, - умерла так умерла... Надеюсь, ты тоже не совершишь ошибки. И не думай, что во мне говорит ревность.

- Даже не сомневайся, его поезд ушел. Сегодня я как будто увидела настоящего Эльбруса...

- Ни без собственной подсказки, - усмехнулась Сарайкина.

- Это совершенно чужой мне человек. Чужой и мало симпатичный. В отличие от тебя, мне жаль впустую потраченного времени. Это был какой-то гипноз. И дурость.

- Я должна сказать своему бывшему большое спасибо за проявленную инициативу. Внутри меня словно лампочка желаний зажглась. Несмотря на внезапно обретенную свободу, такую желанную, еще утром я считала себя брошенной, обижалась, злилась, казалась самой себе старой и никому не нужной.
 - Я очень дорожу нашей дружбой! – с чувством произнесла Слезкина. – Почему раньше не расставила всё по местам?
 - Проехали! Что не происходит, все к лучшему, так еще моя бабушка говорила. Так что давай выпьем за здоровье нашего бывшего, пусть все у него сложится, а у нас – тем более, мы это заслужили! Когда-нибудь и по нашей улице пройдет завидный жених, лично я в это верю. Без веры и надежды любовь не встретишь.
 - Кажется, по моей улице... уже прошел. – Юлька рассказала подруге о новом знакомом.
 - И что ты думаешь предпринять? – спросила Эльвира, выслушав короткую историю.
 - Не знаю, - честно призналась Слезкина.
 - Что значит – не знаю! Чего ты добиваешься своим бездействием? Чтобы он тебя искал долгие годы и нашел, когда ты будешь с клюкой шаркать по улице?
 - Этого уж точно не хочу.
 - Слушай, Юлька, раз сегодня такой судьбоносный день, то выходит, Виталий не зря повстречался на твоём пути. Звони и назначай ему свидание!
 - Самой назначать свидание?
 - Самой-самой, и не делай круглые глаза!
- Напевая «дверь тихонько заскрипела, и в светлицу входит царь...», Юлия Слезкина взялась за телефон...

Ноябрь 2020г.